

НАША СТРАНА

Год издания — 38-ой. Буэнос-Айрес, суббота 21 декабря 1985

"NUESTRO PAIS"

-Buenos Aires, sábado 21 de diciembre de 1985. No. 1847

МЫСЛИ ВСЛУХ

ДЕМАГОГИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

Испанский философ и публицист Хулиан Марияс, кроме двух положительных свойств демократии (легитимность и соучастие), перечисляет также и два отрицательных ее свойства, которые он называет "двумя искушениями": искушение демагогии и искушение злоупотреблений со стороны политических партий.

Марияс, выступая в данном случае как политический публицист, а не как философ, оставляет несколько в стороне строгую научную терминологическую точность. Дело в том, что *демагогия* это такой древне-греческий термин, которым определялось не одно из *искушений* демократии, а один из ее *приемов*.

Для определения точного смысла древне-греческой политической терминологии мы никак не можем обойтись без текста самого главного из всех сохранившихся классических греческих трудов на эту тему: "Политики" Аристотеля. Взаимосвязь и соотношение между понятиями "демагогии" и "демократии" в "Политике" уточняется неоднократно. Например: "Все приемы крайней демократии присущи также тиранам... Поэтому, льстец ценен в обоих режимах: в демократиях демагог, ибо демагог это льстец демоса, и совместно с тиранами..." (1313 в). Оба режима, т. е. тиранию и демократию, соединяет присущая им обоим демагогия, так как "тиранические процедуры все тоже кажутся демократическими". (1319 в). "Демократия для тиранов, согласно Гесиоду, как гонимая для гонимых (действительно, крайняя демократия есть тирания)". (1312 в). "Итак, всякий демагог продвинулся постепенно к теперешней демократии". (1274 а).

Современная идеология демократизма не ограничивается затемнением настоящего соотношения между понятиями демократии и демагогии. Эта идеология пытается также произвести подтасовку этих двух политических терминов, и на место демократии, определяемой в "Политике", как "отклонение от политики" (республики), поставить демагогию. Так, во многих переводах на современные языки классификации Аристотеля государственных форм (три правильные: монархия, аристократия и полиция или республика; три отклонения: тирания, олигархия и демократия), на место политии ставится демократия, а вместо демократии ставится демагогия. Но демагогия не является государственной формой, так как она не является ни "кратией", ни "архией". Демагогия является всего лишь одним из свойств двух режимов: демократии и тирании. Интересно, что это первоначальное определение подтверждается в большинстве случаев на практике и в наши дни.

И. А.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ПОРТРЕТ РУКОЮ ВРАГА

Мы знаем, что враги России, разных мастей, ненавидят А. И. Солженицына. Знаем, в общем и в целом, и за что. Но вот — пусть они сами расскажут. В частности, "ответственный редактор" журнала "Форум", органа самых лютых наших недругов, украинских самостийников, В. Малинкович. Вот что он пишет в № 11, под длинным и ядовитым заглавием "Не по былинам сего времени, а по замыслению Бояню" (Разумеется, Солженицын за эти описания и обвинения не отвечает никак; есть ли в них правда, и сколько, мы судить не беремся; но это — картина того, как худшие наши противники и злопыхатели его видят; картина, ясно раскрывающая, чего они больше всего боятся): "Солженицын обращается к своим современникам. Он пишет для того, чтобы его оценка событий тех лет, когда был сломан хребет российской истории, послужила основанием для анализа нынешней драматической ситуации в мире, для того, чтобы "судьбоносные" решения нашего времени принимались с учетом этой оценки".

А этого темным силам, которым служит г-н Малинкович, совсем не хочется (и понятное дело...)

"Но прежде чем спорить о концепции Солженицына, нужно сначала ее обнаружить" — продолжает он. И обнаруживает:

"Революция начиналась с утопии, с прекрасной мечты тех, кто свято верил в неотрывность Правды-Красоты от Истины и Справедливости. Но как же к Добру и Красоте — и через насилие? Любовь подменили жадной отщипкой: "Революционеры за то и называются революционерами, что они — рыцари... Приходится расчищать почву для нового мира — и поэтому долой вся старая рухлядь и в первую очередь самодержавие! Революционеры нельзя судить по нормам старой нравственности... Революцию вводит за руку только Террор!" Цель оправдывает любые преступления. И покатило красное колесо террора...

Революционеры убивали большую Россию, а их охраняли, их растлили, им помогали чем могли либералы-западники, — те, для кого пришедшие с Запада слова "парламент", "свобода слова", "учредительное собрание" звучали как магические заклинания. *Свобода слова* — чтоб ни за что не отвечать; *парламент* — чтобы, "обличая", ничего не делать; *учредительное собрание* — как альтернатива все тому же "ненавистному" самодержавию.

Была, правда, и другая интеллигенция. Та самая, что работала в земствах, — зачатках местного самоуправления, делая для народа конкретное дело.

Пошатнулась вера, и с "вольнодумством" западного Просвещения проникли в русское образованное общество идеи о бальзамах всеизлечивающей силы, — социальном и политическом прогрессе, и одновре-

менно с необходимостью устранения деспотии самодержавия.

Солженицын недвусмысленно поддерживает идею гражданского равноправия евреев, сочувствует жертвам официального и неофициального антисемитизма. Разделение для него — не между евреями и неевреями, а внутри русского еврейства. Между теми, кто предан интересам России, любит ее, несмотря ни на что, и теми, кто видит в ней злую мачеху, кто ненавидит русское прошлое, русские традиции, презирает страну, где приходится жить, и стремится разрушить устоявшиеся формы русской национальной жизни. Чаще всего такие люди презирают традиции и веру и своего народа, молятся западному идеалу "прогресса". Делать русскую историю имеют право те, кто искренне любит Россию — свои, без различия национальности; не имеют — чужие, чьи идеалы вне русской почвы.

Революцию остановил Столыпин. Остановил решительными мерами, отвечая ударом на удар. И не только силой, но и тем, что увел от революционеров крестьянство... И его убивают "чужие", — стреляет в премьер-министра в киевском театре еврей Богров. Убили Столыпина, и вновь увлекли Россию в сторону от ее пути... И придут к власти совсем "чужие" России большевики.

Дело, на мой взгляд, в том, что между событиями "Августа 14-го", "Октября 16-го" и временем написания романа произошел излом в русской истории — революция 17-го года. Бывший зэка, автор "Гулага", Солженицын знает, куда ведет "красная революция", и чем угрожает она уже не только России, но и всему миру. Это знание и определяет позицию Солженицына — его предельно негативное отношение ко всему тому, что способствовало революции в России; к радикалам-революционерам, к либералам, к эгоистам-помещикам и царским бюрократам. И прежде всего к злополучному западничеству русского "общества". Если революционеры непосредственно разрушали Россию, то либералы, сочувствуя такому разрушению, создавали атмосферу, в которой только и возможна была победа революционеров.

И те и другие всегда смотрели влево. Этот левый поворот типичен не только для русской дореволюционной, но и для современной западной интеллигенции. В этом причина беспокорства Солженицына: как русские либералы в прошлом своим лезым уклонением помогли большевикам уничтожить Россию (вместе с русским либерализмом), так и западная интеллигенция своим коленопреклонением перед любым проявлением свободы (порой синонимом безответственности) готовит капитуляцию свободного мира перед большевизмом.

Нет, Солженицын не объективен... Зло и Добро в его романе неправданно четко разделены и персонализированы. Столкновения чужо-

го и русского. Кто такие чужие, мы уже знаем. Знаем, что для них особенно ценно: правовое государство, гарантирующее разного рода свободы всем своим гражданам — для либералов; социалистическая республика — для революционеров. Принцип "Долой самодержавие!" объединяет тех и других. Судя по всему, именно резко негативным отношением Солженицына к этому принципу и объясняется то, что он в своем романе сооружает одну общую свалку из чужих России приверженцев правового государства, демократических социалистов и "борцов за диктатуру пролетариата".

Напрасно Солженицын обижается, когда западная интеллигенция величает его "монархистом, царистом, теократом"... В романе Солженицын не скрывает своих симпатий к монархии. Впрочем, слово "монархист" действительно, не совсем точно определяет политическую позицию Солженицына (Монархистами являются и приверженцы той формы государственного правления, которая существует сегодня в безусловно демократических Англии, Голландии, Дании, Норвегии, Бельгии или Швеции). Александр Солженицын симпатизирует в "Красном колесе" не просто монархии, а русской самодержавной монархической власти.

Умирающий Столыпин "мерно, истово, не торопясь, перекрестил Государя"... И для самого Солженицына выстрелы в Столыпина, это и выстрелы в династию, и одновременно "выстрел в Россию, во всю нашу судьбу". Так неотрывна, по Солженицыну, была тогда судьба России от судьбы царской семьи.

Россия, ее особое место в мире, ее народ, которому нужны не права, нужна правда отношений, — предмет обожания Александра Солженицына. А потому распространяет он свою любовь и на самодержавие — ту форму государственности, к которой якобы "предрасположены" русские".

До сих пор мы передавали нить рассуждений Малинковича без комментариев. Но дальше он начинает совсем беспардонно подтасовывать и передергивать. Немудрено: он доходит до национального вопроса, а уж тут сепаратисты безо лжи — ни на шаг.

"Монархия, по Солженицыну, — хранительница ценностей русского народа. Единство нации держалось на вере народа в Государя и веру Царя "в силу русского пахаря". Что ж, допустим: самодержавие — естественный образ государственного правления для русских. Но как быть, если русских в самодержавно управляемой царем Российской Империи — меньшинство (согласно переписи 1897 года — 44,4 % всего населения)? Правда, с украинцами и белорусами, констатирует Малинкович, было бы 68,3 %, "не просто большинство, но большинство квалифицированное". Но, лукавит г-н Малинкович: "попробовал бы кто пе-

рехать из русской деревни в украинское село и не заметить, что он в ином краю". Простите: да речь-то не о том! Никто и не говорит, будто украинцы суть великороссы! И знающий человек, наверно, различит по постройкам места заселенные выходцами из рязанской или из саратовской губернии; только, что ж из того? Верно, опять же, что и пейзажи у нас разные бывают; хотя они во все той же России.

Империя была формой, приемлемой для всех *россиян*. И нет никаких оснований считать, что белоруссы или малороссы, того меньше татары, азербайджанцы или узбеки, были прирожденными поклонниками социалистической республики! Никто, или почти никто из них, о сей последней и не мечтал. А если и желали ее закавказские (как и великоросские) меньшевики, то уж такова природа меньшевиков, которых связывать с какою-либо конкретной национальностью причин нет. Где же народ за ними пошел... мы ведь уже знаем, чем все это кончилось!

Г-н Малинкович желает видеть в революции движение национальное, а не социальное. Отослал его к более порядочному нацену, А. Авторханову, который честно признал в своих мемуарах, что предпочел бы жить на Кавказе времен Александра Второго, а не на Кавказе Сталина. Одно дело было *воображаемая* "тюрьма народов" царской эпохи; и совсем иное — *настоящая* тюрьма народов, советская.

Самое же курьезное есть тот основной упрек, каковой Малинкович предъявляет Солженицыну: что тот в своих исторических оценках исходит из *результатов*, из того, к чему революционные чаяния привели! Подобный метод, однако, следует считать самым что ни на есть правильным; и вот почему можно и нужно сваливать в одну кучу либералов и большевиков: побуждения у них, допустим, были разные, но совокупность их действий закончилась теми страшными несчастьями, которые мы пережили, и которые (в этом ответственный редактор "Форума" прав) угрожают теперь и остальному миру. Значит, и благодарить остается их всех вместе.

Отметим одну курьезную фразу в статье: "Слабо развитое правосознание русских (исторически обусловленное) — одна из главных причин многочисленных бед нашего отечества". Это какого же *отечества*? Если Малинкович себя считает русским, то куда же делся его сепаратизм? А если не считает, то какое же ему Россия отечество? Тут уж надо выбирать; не подобает садиться на два стула сразу!

Пределом лицемерия (или уж прямой глупости?) является конец малинковичевского опуса, где он читает Солженицыну следующее наставление: "Присущи человеку национальные и патриотические чувства, ощущает он свою принадлежность к человечеству, но не следует личности быть в рабстве у нации, класса, государства, — человек выше наличным в нем божественного начала".

Не забавны ли подобные речи в устах украинского самостийника, носителя и выразителя самой зоологической и нечеловеческой ультранационалистической идеологии на земле, которая всегда, дорвавшись до минутной власти, ознаменовала свое правление несказанно свирепыми погромами против поляков, великороссов, евреев и всех народностей, имевших несчастье попасться под руку?! Тоистине, уж чья бы корова мычала, корова пана Малинковича лучше помолчала!

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ОТПЕВАНИЕ И ПОГРЕБЕНИЕ ПЕРВОИЕРАРХА РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ

Первоиерарх русской православной Церкви за границей высокопреосвященный митрополит Филарет почил в четверг 21 ноября в 8 часов утра.

В воскресенье 24 ноября в ньюйоркском Синодальном Кафедральном соборе, после Божественной литургии имело место отпевание. Отпевание вместе с литургией длилось семь часов. Оно было совершено заместителем первоиерарха архиепископом Виталием Монреальским и Канадским, архиепископом Антонием Сан-Францисским, архиепископом Лавром Сиракузским и Троицким, епископом Григорием Вашингтонским и Флоридским, епископом Алипием Кливлендским, епископом Иларионом Манхетенским и более 50 священниками. Также присутствовали архиепископ Серафим Чикагско-Детроитский и Средне-Американский и епископ Константин Ричмондский и Британский. На прощание с первоиерархом собралось более тысячи молящихся. На утешение всех присутствовавших прибыла мироточивая икона Иверской Божией Матери.

На следующий день, 25-го ноября, совершилось временное погребение под алтарем Успенской церкви на кладбище Свято-Троицкого монастыря. По собственному пожеланию, митрополит Филарет будет окончательно погребен в часовне, которая пристраивается к Троицкому собору.

Я. Б.

ПЕЧАТЬ

УПОВАНИЕ НА ЧЕКИСТОВ

С некоторых пор ведущим сотрудником газеты "Русская Жизнь" (которую мы прежде считали *правой*) стал г-н О. Поляков. Постепенно распоясавшись, вот что он там пишет, в № от 9 октября, об органах КГБ:

"Времена теперь не те, как при Держинском и Сталине. Теперь в этих учреждениях работают не неграмотные, вечно пьяные матросики, свято верующие в догмы марксизма-ленинизма. Люди там образованные... Они знают цену своим поступкам. Эти люди очень хорошо информированы. В общем, они умеют думать, и им доступен материал для размышления. Можно ли ждать, что кто-то из них отступит от зла и пойдет дорогой добра? Думаю, что да".

Продолжим мысли г-на Полякова. Нам следует наладить связь с добродетельными, всезнающими и всемогущими чекистами, установить обмен сведениями (они с интересом и вниманием выслушают даже мелочи о наших друзьях и знакомых, о настроенных антикоммунистически иностранцах; будут признательны, если мы им поможем проникнуть в различные эмигрантские и иностранные организации; они нас поблагодарят, а то и наградят; и многое приятное и заманчивое нам пообещают).

Мы легко обратим их в свою веру; с их помощью вернемся в Россию; вместе с ними произведем нужные перемены в составе правительства, и...

Новый *Трест* поставлен на колеса, господа! Мало нам было прежних провокаций, — новая, циничная и бесстыдная, пушена в ход. Не перевелись еще в старой эмиграции дураки! Что же, есть ведь поговорка: "Старость не предохраняет от глупости". Распускаются красивые цветочки; но ягодки впереди окажутся горькими... ядовитыми...

ОТПОР РУСОФОБАМ

Возражая на вполне безобразные наветы на Россию и русских Шимона Маркиша в израильском журнале "Народ и Земля", редакция "Континента" (в № 45) задает автору следующие риторические вопросы:

"Если "рабский" русский народ добровольно "избрал" Ленина (хотя это чистая ложь...), то почему его избрал также и отец автора прекрасный поэт Перец Маркиш со товарищи, каковые себя, конечно же, русскими никогда не считали? Причем не только Ленина, но и Сталина, которому служили верой и правдой..."

Чем также объяснить активное "избрание" Ленина "представителями" других, вполне свободолюбивых народов: поляков (Держин-

ский, Мархлевский и др.), латышей (Лацис, Берзинь, Петерс и др.), грузин (Берия, Гоглидзе и др.), армян (Миколян, Шаумян и др.), и так далее, и так далее?"

Почему также среди русских, прибывших на Запад с третьей волной эмиграции, нет ни одного марксиста, тем более ленинца, а вот среди представителей так называемых угнетенных народов таковых вполне достаточно?.."

С интересом будем ожидать: что-то г-н Ш. Маркиш ответит?

НОВЕЙШИЕ В АМЕРИКЕ

В. Перельман пишет в № 84 журнала "Время и Мы", в статье "О теле и духе, или о нашей эмиграции": "Надо было выжить, вырваться, научиться делать деньги, — высшему из искусств, которым владеют американцы. И в этом наша эмиграция преуспела. Я бы даже сказал, чересчур преуспела. За короткий период из ее среды вышел "новый класс", если хотите, новая буржуазия, — из среды вчерашних советских людей... Но американцами эти люди стали лишь с одной точки зрения... А с другой — по своей психологии, или, как теперь говорят, по своей ментальности, — они так и остались *русскими эмигрантами*, точнее, застряли посередине между эмиграцией и Америкой. Они утратили контакты с еврейскими организациями, которые привезли их в США. И что самое удивительное, — они не поддерживают или почти не поддерживают связей с американцами — ни с простыми, ни с высшим светом, ни с коллегами по работе. Точнее — эти связи даже не возникают... Да, наша эмиграция проявила чудеса, ища себе место под солнцем Америки. Мы оказались гениями выживания в своей заботе о крове, пище и благоденствии... Забота о собственном благе стала нашим высшим и единственным Демиургом и, может быть, этим мы и отличаемся от окружающих нас американцев, у которых, кроме их бизнеса, долларов и стак маркетов есть еще и Бог, которого нас лишили еще в той жизни. Духовными скопцами мы прибыли в мир, где без Бога и идеалов человеку также безмерно тяжело, как и без денег".

Но что же им мешает обратиться к Богу? Что, впрочем, многие и делают.

Перельман ядовито пародирует речь теперешних новейших эмигрантов в США: "Три часа драйвил по хайвею... Ну, так, — или вроде того — выражалась еще и в первой эмиграции наименее культурная ее часть... На недостаток же газет, журналов или книг он жалуется вовсе зря; первая реакция людей, свежеприбывающих из России, есть неизменно удивление: "Кто же все это читает?" Никак нельзя также согласиться с субъективными оценками Перельмана, называющего *блестящими писателями* литераторов как

С. Соколов, Б. Хазанов и Ф. Горенштейн: они суть, даже судя их снизводительно, посредственности, и в лучшем случае могут иметь кратковременный и относительный успех, в соответствии с их весьма ограниченными способностями.

А НА ЛБУ РОКОВЫЕ СЛОВА...

С гордостью описывая в "Русской Мысли" свои встречи с киноартисткой Симоной Синьоре, раньше коммунисткой, потом слегка протрезвившейся ("до последних дней жила в ней надежда, что у коммунизма может быть человеческое лицо"), Н. Дюжева рассказывает, как она старалась объяснить той, что "La Pensée Russe" совсем не правая газета (Синьоре-то считала ее правой, и потому отказалась дать интервью).

"Симона Синьоре не хотела, чтобы ее считали правой. А "Русскую Мысль" она, никогда не читав, считала именно правой газетой; она, как и многие французы, делила эмиграцию на свой французский лад; тут де правые, а там — левые. Левым был у нее Андрей Сахаров, правым — Александр Солженицын".

На будущее время, в качестве газеты безусловно правой, мы можем и готовы выдать парижскому еженедельнику форменное свидетельство о его непринадлежности к правому лагерю. "Русская Мысль" никогда не была правой, поскольку никогда не была ни патриотической, ни национальной. Вот почему данная газета целиком исключена из нашего стана, и не имеет, и не может иметь, с нами никаких контактов.

Впрочем, строго-то говоря, ее даже нельзя без оговорок назвать и левой; она принадлежит, как выражаются французы, к *le parti de l'étranger*, послушно выражая волю своего закулисного начальства.

Заботливо обходя все важные и центральные проблемы русской эмиграции, она вяло бубнит о диссидентских делишках и о мелочах правозащитнического быта, перепечатывает сочинения покойных писателей 20-30 летней давности без большого успеха гшится быть *dans le vent* французских литературных сплетен и очередных измышлений вашингтонских кремниологов. Словами Маяковского, она:

Серенькая, чирикает как перепел.

Но при всем том, повторим (надемся, делая тем ей приятное), что свой носик сия не слишком красивая и не очень опрятная птичка отчетливо держит налево.

Так что зря Синьоре боялась за сотрудничество тут ее бы вряд ли кто упрекнул в правизне. Разве что гг. Любарский, Эткинд и Синявский, которые, верно, — еще левее. Но они уже и левее всякого здравого смысла.

В. Р.

ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА..

Скончались Сергей Жаров, регент хора донских казаков, и киноартист Юль Бриннер. С обоими я был знаком. Попав на Запад, первый русский хор, который я слышал, был знаменитый Жаровский. Когда в Мюнхен приезжал на гастроли хор донских казаков — а приезжал он не менее раза в год — всегда все билеты были распроданы. Кроме многочисленных русских, великолепные концерты посещали и немцы; они не понимали слов, но чувствовали всю глубину русской народной песни, ее чистоту и задушевность. Недаром в хоре пели многие, ставшие впоследствии солистами. Сергей Алексеевич Жаров был весьма жизнерадостным, молодежь, весьма симпатичным, подтянутым человеком, худым, маленького роста. Жаров был в Белой армии. После эвакуации на остров Лемнос, благодаря своей энергии и любви к русским национальным песням, он создал из бывших воинов Белой армии прекрасный хор. После Второй Мировой войны, понятно, в хоре не пели одни донские казаки; допускались и "иностранцы". Сергей Жаров был ценителем, знатоком и любителем русского православного песнопения. Концерты его хора всегда начинались русской церковной музыкой. Народные песни, романсы классического характера, публикой воспринимались с восторгом. Недаром, по сей день у многих немцев хранятся пластинки хора Жарова. Хор дал тысячи концертов во всех уголках мира. Везде Жарова любили, везде его приглашали.

Запомнилось, что он выпивал по две-три рюмки водки и больше этого, никто его не мог заставить. Если же его певцы заглядывали поглубже в рюмку, то он их, шутя, добродушно предупреждал. Они же всегда слушались Сергея Алексеевича.

Последний десяток лет хора Жарова уже не существовало. А недавно, на 91-ом году жизни скончался в США основатель хора.

Сергей Алексеевич Жаров будет всегда жить как в сердцах русских изгнанников, так и в самой стране, где о нем ходила добрая слава.

Юль Бриннера знал весь свет. Киноактер обрел известность играя роль сиамского монарха на Бродвее, в пьесе "Король и я". Был снят и кинофильм под таким же названием. Бриннер играл главные роли в таких картинах, как "Братья Карам-

зовы", "Анастасия", "Тарас Бульба". Прекрасный актер, он заслужил мировую славу и получил высшую награду для киноартиста — премию "Оскар".

Однако, редко кто знает, что Юль Бриннер был русским. Познакомился я с ним в 1958 году, когда снимался в Вене фильм "Поездка" — о венгерских событиях 1956 года. Режиссер фильма, тоже выходец из России, Анатолий Михайлович Литвак, обратился к правлению ЦОПЭ (Центральное Управление Послевоенных Эмигрантов из СССР) в Мюнхене с просьбой предоставить ему для съемки 20-25 бывших подсоветских военнослужащих, желающих участвовать в съемке этого фильма. Среди них оказался и я.

Юль Бриннер, неизменно ходивший с семиструнной гитарой по студии, оказался Юлием Борисовичем Бриннером, родившимся в 1918 году на Сахалине. Отец его царский офицер, швейцарского происхождения, а мать забайкальская казачка. Он имел прекрасный голос. С удовольствием пел русские песни, но и любил цыганщину, прекрасно пел по цыгански, что дало повод бульварным журналистам назвать его цыганом. До войны он долгие годы проживал во Франции, где даже учился в университете, но, кажется, его не закончил. По своему призванию, он был циркачем, обожал лошадей. Интересно заметить, что Юлий Борисович никогда при съемках для рискованных сцен не пользовался помощью двойников (stuntmen). К большой досаде Литвака, он сам проделывал замысловатые, иногда для жизни опасные, прижки. Бриннер и Литвак, что нас весьма радовало, всегда между собой говорили по-русски. Между прочим, композитором фильма был Мишель Мишле, выходец из Одессы, понятно, тоже превосходно говорящий по-русски.

Когда у нас было свободное время — а наша группа играла роль подсоветских солдат и пела военные песни, то подходил к нам Юлий Борисович с гитарой и всегда заказывал несколько бутылок водки и какую-нибудь снедь.

Тогда еще мы все заметили, что Юлий Борисович большой курильщик. Предпочитал курить кубинские сигары. Одну за другой. Умер он от рака легких.

ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

О НАШИХ АВТОРАХ

А. М О Р Е Л Л И

Из письма В. К. Дубровского С. В. Гротову от 9 июня 1963.

А. Морелли писал до сих пор в "Свободе" ЦОПЭ (Центральное Объединение Послевоенных Эмигрантов). Это правовед. Во времена Училища Правоведения и потом в Берлине, он был однофамильцем моего отца, то есть — Левашовым.

Н. Н. Б Ы Л О В

Из письма Н. Н. Былова В. К. Дубровскому от 13 ноября 1952.

В ответ на предложение Ивана Лукьяновича стать членом руководства оформляемого им движения, я ответил полным согласием. Уж не знаю только смогу ли я быть настолько действенным, чтоб заслужить его одобрение. Здесь, в Бразилии, работаю швейцаром-переводчиком в ночном ресторане и... сами понимаете. В прошлом я тоже кадет — Морского Корпуса, но по окончании кадетских рот ушел воевать в пехоту — Сибирский стрелок. Почти всю эмиграцию провел в Париже.

Среди книг

С Л У Ж И Т Е Л Ь З Л А

Начиная свои двухтомные воспоминания "Люди, годы, жизнь" (Москва, 1966), И. Эренбург восклицает: "Я выжил — не потому, чтобы был сильнее или прозорливее, а потому, что бывают времена, когда судьба человека напоминает не разыгранную по всем правилам шахматную партию, но лотерею". Вспоминается диалог князя Звездича с Арбениным у игорного стола:

Быть может, счастье...
— О, счастья здесь нет!

Во всякой игре есть элемент удачи. Но в долгой партии еще важнее умение. Сталин пощадил Эренбурга, так как тот был полезен. Конечно, при характере кремлевского тирана гарантий не было никому. Но тут он вел себя последовательно.

Эренбург распинается в любви к Испании, ко Франции, к Европе. Из таких чувств он участвовал в гражданской войне на Пиренейском Полуострове. Что бы случилось с Испанией, с Францией, с Европой, поведи красные?.. Можно извинять темных партизан и красноармейцев первых лет революции в России, с усилением — даже и тогдашних фанатизированных интеллигентов; можно и испанских анархистов и республиканцев: "Ибо не ведали, что творили!"

Но Илья Григорьевич знал все... В те же годы в СССР сажали и расстреливали его лучших друзей, твердокаменных коммунистов (расправа над другими-то жертвами его мало беспокоила). Такого он желал для Запада?! Когда вызванный в Москву полпред в Болгарии Ф. Раскольников отказался вернуться, Эренбург считает, что тот потерял голову. Следовательно, значит, покорно нести голову под нож (тоже ведь способ ее потерять)? Нет, о любви большевицкого борзописца к Западу подобает сказать, как Л. Толстой говорил об эгоистической любви вообще, что такая любовь есть волк, которого надо убить!

Западных писателей, художников, тем более политических деятелей Эренбург неуклонно расценивает с точки зрения их большей или меньшей преданности большевизму; вот почему его оценки нам надлежит принимать с обратным знаком. То же и с русскими писателями; вот почему его похвалы Цветаевой или Ахматовой — насквозь ложные: ни та, ни другая коммунизму не сочувствовали никак!

Случалось ему и промахиваться. Если его книгу переиздают в Советском Союзе, то уж верно из нее вычеркивают теперь ставшие одиозными имена В. Некрасова, Н. Коржавина и В. Гроссмана; и тем паче имя Солженицына, названное с умеренными ему комплиментами. По странной рассеянности не вычеркнули уже и в 1966 году, имя красного испанского генерала Эль Кампесино: в СССР его посадили в концлагерь, откуда он бежал в Персию, и потом стойко боролся против большевизма, пока не умер с год тому назад, в Испании.

Любопытны, как свидетельство врага, слова Эренбурга о Власове, встреченном в годы войны (и которого он в целом-то, понятно, ругает): "Говорит о Суворове, как о человеке, с которым прожил годы".

В длинных мемуарах выделяется краткая, раздирающая в своем роде история Ньюш. Шведский рабочий-коммунист, поехав с делегацией в СССР, расхворался и попал в больни-

цу. За ним ходила и его выходила молоденькая сиделка, которую он полюбил и на которой женился (запрета на браки с иностранцами еще не существовало). Эренбург встретил ее в Швеции, и она ему откровенно и неосторожно выразила удивление и возмущение тем, как глупо ведут себя ее муж с товарищами, живущие бесконечно лучше, чем люди в России, и еще недовольные! "С жиру бесятся" — прибавила она, и пожалела, что еще не может им все разъяснить, по незнанию языка. Интересно, сообщил ли ее собеседник куда нужно?

В совокупности, суждения и рассуждения мемуариста построены на кривой логике и на диалектике безумия. Хотя советский режим ужасен, надо его поддерживать, за него бороться и жертвовать собою! Почему же и зачем?! Он сам, допустим, отдал сердце коммунизму с юности, в пылу иллюзий, — но для чего упорствовал потом, видя, что получилось? И, главное, как мог, как смел требовать того же от других?!

СВОЯЧЕНИЦА МАЯКОВСКОГО

Роман Эльзы Триоле "Анна-Мария", выпущенный в русском переводе в Москве в 1963 году, содержит меньше грубой пропаганды коммунизма, чем мы могли бы ждать от супруги Луи Арагона и сестрицы Лили Брик. Тем не менее, отвратительно читать, когда героиня (явно автобиографическая), участница французского Резистанса, кровожадно негодует на якобы чрезмерную мягкость правительства по отношению к коллаборационистам. Насколько свирепые, и часто абсолютно незаконные и несправедливые расправы были проведены в жуткий период, именуемый *Либерацион*, хорошо известно: они тяжело коснулись и русской эмиграции.

Анна-Мария, представленная ангелом доброты, наотрез отказывается заступиться за своего друга детства, Жана Боргеца, приговоренного к смерти за сотрудничество с немцами. И между тем, тот, когда имел известную власть, сразу же по ее просьбе отпустил арестованного сообщника Сопротивления, хотя и явно виновного... Ни малейшей нотки человечности, когда она посещает тюрьму во Френе, где люди томятся в страшных условиях, ожидая казни или ссылки. Подход и у автора, и у героини — строго партийный: жалеть лишь своих.

Если верить роману, сейчас же после конца войны коммунисты оттерли от власти, и верховодить во Франции стали правые круги. Увы! На самом деле прошли долгие годы, прежде чем здоровые силы страны восторжествовали над руководимыми из Москвы изменниками; и притом, за кулисами, а отчасти и открыто, влияние этих последних живет и до сего дня.

Сава Юрченко

ЗАВЕТЫ
ПРЕДКОВ

Искони царей державных
Сливалась слава на Руси
о славою Руси православной.

М. РОЗЕНГЕЙМ

Языковые Уродства

ОТОШЕДШЕЕ И УМЕРЕВШЕЕ

Прочитав у какого-то бездарного стихотворца (чуть ли не у Оцуца) диковинные строки:

И лежит, раскинув руки,
Умеревший офицер,

Гумилев ввел в свою шуточную поэму о полковнике Белавенце такие две строфы:

Поковник Белавенец
Съел много яиц.
Пожалейте Белавенца,
Умеревшего от яйца!

С некоторым удивлением встречаем мы ныне во вполне серьезном и даже претендующем на философскую глубину рассказе Феликса Розинера "Попутчики" ("Время и Мы", № 84) нижеследующий пассаж: "Сима Красный-Адом, желающий и отвергнуть все отошедшее и умеревшее, — и живущий этим ушедшим..."

Хотя журнал "Время и Мы" и русскоязычный, а с русским языком у него далеко не всегда дело обстоит благополучно!

ЗАГАДОЧНЫЕ НАЗВАНИЯ

В книге "Имя дома твоего" (Ленинград, 1972), подсоветский лингвист Л. Успенский пишет: "А вот вам и целый ряд курьезно звучащих для нашего слуха, но, конечно, может быть, легко объяснимых каждое для своего языка и народа, имен. В чем их странность для нас? Только в совершенно случайном сходстве их по звукам с некоторыми русскими словами..."

Букет — населенный пункт на полуострове Малакка; *Бусника* — населенный пункт в Северной Африке; *Вьедма* — населенный пункт в далекой знойной Аргентине; *Киномото* — населенный пункт в Японии; *Эс-Заказик* — населенный пункт в Египте; *Мерзифон* — населенный пункт в Турции, у Черного моря; *Курья-Мурья* — населенный пункт в Аравийском Заливе (Острова).

Да, да, бесспорно этот *Букет* не для нюханья цветов, аргентинская *Вьедма* не из тех "ведьм", что летают на помеле, и никто никогда не вознамерится сделать "Эс-Заказик" на "Мерзифон" вместо патефона или телефона. И все-таки разве не интересно было бы узнать, каким образом возникли и что в действительности обозначают все эти диковинные имена? Вам — нет? А мне — очень! Ну что же: подожду — узнаю!"

Из данного списка, могу объяснить первое. *Викит* по-малайски означает "холм". Остальные мне не понятны, как и Успенскому. Но, может быть, аргентинские читатели знают или могут узнать происхождение имени *Вьедма*? *Мерзифон*, судя по звучанию, скорее всего должен бы иметь греческую этимологию (да вот, какую?), а *Бусника*, *Курья-Мурья* и *Эс-Заказик* связаны с арабским (возможно, и с берберским) языком.

Аркадий Рахманов

СВЯТО-СЕРГИЕВСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ШКОЛА
В БУЗНОСАЙРЕССКОМ ПРИГОРОДЕ ВИЖА БАЖЕСТЕР
устраивает

РОЖДЕСТВЕНСКУЮ ЕЛКУ ДЛЯ ДЕТЕЙ

в воскресенье 12 января 1986 года в 17 часов в зале школы.
Записи по телефону: 768-5476.

Зарубежная жизнь

ДЕНЬ СКОРБИ И НЕПРИМИРИМОСТИ В НЬЮ ЙОРКЕ

Представительство Российских Эмигрантов в Америке отметило День Скорби и Непримириности большим собранием в Доме Свободной России в Нью Йорке.

Собрание началось торжественным выносом флагов. Протопресвитер Александр Киселев вместе со всеми присутствующими пропел молитву "Достойно есть", а затем председатель представительства, донской атаман профессор Н. В. Федоров в краткой речи указал на ужасы творимые коммунистами. К примеру Куба, имеющая 9-ти миллионное население имеет миллионную армию и такой же численности милицию, прекрасно вооруженную советами. Кроме того, на Кубе находится 15 тысяч советских инструкторов и солдат. Никарагуа с населением в 2.700.000 имеет армию в 120 тысяч солдат и новейшее советское вооружение. В то же время как Эль Сальвадор с населением в 4.700.000 имеет армию в 40 тысяч и только 55 американских советников. Коста Рика с населением в 2.300.000 вообще не имеет армии. Нужно остановить советское влияние и расширение "владений". Остановить можно только силой.

В заключение Н. В. Федоров сказал: "Еще свежа память злодейского расстрела советами беззащитного южнокорейского самолета. С этим самолетом погиб конгрессмен Мак Дональд, последовательный антикоммунист. Не так давно умер его сотрудник Игорь Сергеевич Глаголев. Ушел в иной мир и могикан хорového пения Сергей Алексеевич Жаров, распространивший славу русской песни по всему свободному миру. Почти память белых воинов, владовцев и всех погибших в борьбе с коммунистами. Да будет вечна память о них". О. Александр провозгласил "Вечную Память", которую пропели все присутствующие.

Следующим выступил о. Александр Киселев, который указал, что вера еще сильна в русском народе. Он процитировал несколько отрывков из книги подсоветского писателя, где говорится о религиозной общине в Совдепии. Члены этой общины, несмотря на гонения, продолжают — даже в заключении — исполнять религиозные обряды. О. Александр выразил уверенность, что рано или поздно, вера победит и Россия возродится.

В своем докладе О. Поляков осветил экономическое положение в СССР. Там нет по настоящему рабочей силы. Там нет средств улучшения производства, ибо все централизовано. Нужно дать экономическую свободу, но это невозможно при коммунистической системе. Есть стремление реформировать экономическое планирование, но это против системы, а за системой стоит власть. Надеяться нечего.

Доктор Л. Ткачевская выступила с докладом на тему "Непримириность ко злу". Она указала на пагубное влияние наркотиков, на распущенность и особо остановилась на "свободе женщины". В Америке каждый год производится полтора миллиона абортов. В Советском Союзе — 8 миллионов. Это преступное массовое уничтожение человеческих существ. Помимо нравственной стороны этого вопроса, аборты ведут к тому, что прирост рабочей силы — ничтожен.

Затем выступил хор Организации Российских Юных Разведчиков, который пропел несколько русских военных песен и закончили Алексеевским маршем: "Мы смело двинемся вперед, мы русские солдаты". Руководил хором А. Захарьин.

В своем заключительном слове Н. В. Федоров сказал: "Мы, русские, находящиеся в Доме Свободной России и во всех свободных государствах, обращаемся к вам, народы великой, высоконравственной России — сбросьте оковы коммунизма и восстановите мир во всем свете".

Все доклады были записаны на ленту и переданы радиостанцией "Голос Америки" в Советский Союз 7-го ноября. П. Р.

Правление Клуба имени М. Ломоносова в бузносайресском пригороде Кильмес приносит свою глубокую благодарность всем лицам помогшим устроить обед-встречу 28 октября с. г. и в особенности г-же Н. Калиняк и г-ну В. Трофимову за их выступление. Также благодарим всех многочисленных гостей (около 90 человек) пожаловавших на этот обед-встречу и тем самым оказавшим помощь русскому клубу.

Правлением Клуба 11 января 1986 года в 19,30 часов устраивается

ЕЛКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Приглашаем на нее всех русских людей.

Политический Калейдоскоп

Мировая печать продолжает комментировать встречу Рейгана и Горбачева. При этом необходимо иметь в виду, что для полного и глубокого объективного анализа этой встречи имеется все же мало данных, а заполнять пробелы в информации гаданием или выдумыванием хотя и принято, но ни к чему серьезному не приводит. Однако, в виде дополнительной информации для такого анализа, может быть полезно обратить внимание на предварительную обстановку в обоих лагерях встречавшихся и на некоторую своеобразную "сигнализацию" одной из сторон, до и после самой встречи.

К такой сигнализации со стороны СССР можно отнести, по крайней мере, две темы. Первая, это положение академика Сахарова. Вскоре после женевской встречи, наконец было разрешено супруге Сахарова выехать за границу, для лечения. Одновременно, из СССР была дана информация о том, что якобы сам академик Сахаров здоров, или по крайней мере не болен опасно. Даже появились фотографии на эту тему. Что это значит? Сигнализация Рейгану, что какие-то его просьбы или нажимы были так или иначе приняты к сведению, и что теперь надлежит за это как-то расплатиться?

К "сигнализации до встречи" можно отнести статью советского информатора (и дезинформатора) Виктора Люи, присланную им в самую большую еврейскую газету в мире, выходящую в Лондоне "Jewish Chronicle". В этой появившейся за неделю до встречи статье, говорится о постановке в Москве театральной пьесы "еврейского писателя" Аркадия Ставицкого, под названием "Улица Шолем Алейхем 40". Эта пьеса была поставлена в театре Станиславского на улице Горького в Москве и согласно Люи в ней впервые за пять лет можно было услышать слово "еврей", а также увидеть современных евреев, показанных с теплотой и симпатией.

Пьеса показывает, как Роза Марголина, проживающая на улице Шолем Алейхем 40, в Одессе, и пользующаяся симпатией своих соседей, решает выехать в Израиль. Однако ее муж, Симон, считает саму идею выезда не только ужасной, но и просто изменой родине. Но, он не может остаться, если его жена и дети покинут Советский Союз. Оказавшись в таком безвыходном положении, он кончает самоубийством.

Одновременно Люи сообщает, что еврейская община в Москве находится в возбуждении, и что она полна слухами о якобы ожидающемся "воздушном мосте" для советских евреев в Тель-Авив, через Бухарест. Сама лондонская газета отмечает, что весь стиль этого "сообщения" Виктора Люи "повидимому сигнализирует, что советское правительство хочет немного ослабить почти что полный запрет еврейской эмиграции... для того чтобы добиться от США коммерческих сношений и технологий"

П. Н.